

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1969 ГОДА

С 11 по 17 марта 1970 года во Львове проходила сессия, посвященная итогам полевых этнографических и археологических исследований 1969 года. Сессия была организована Отделением истории АН СССР, Институтом этнографии, Институтом археологии АН СССР, а также Секцией общественных наук, Институтом общественных наук и Государственным музеем этнографии и художественных промыслов АН Украинской ССР. Сессия была приурочена к 30-летию организации во Львове академического учреждения по общественным наукам. Этот съезд археологов и этнографов проводился в юбилейном ленинском году. О значении ленинского теоретического наследия для развития советской археологии и этнографии сказал, открывая сессию, Б. А. Рыбаков (Москва). О том, как разрабатываются отдельные вопросы в свете ленинских идей, говорилось также в ряде выступлений.

Здесь мы остановимся лишь на этнографических проблемах, вынесенных на пленарные заседания и обсуждавшихся на отдельных секциях, оставляя археологическую тематику за рамками настоящего сообщения. Многие доклады по этнографической тематике на пленарных заседаниях вызвали большой интерес и оживленное обсуждение. Ю. В. Бромлей и В. И. Козлов (Москва) в своем докладе «Этнические процессы в СССР в свете ленинских идей» исходили из известного ленинского положения о существовании двух исторических тенденций национального развития: стремления к национальному самоутверждению и обособлению, и стремления ко всестороннему сближению наций. При этом в докладе было показано, что обе эти тенденции действуют не только в рамках капиталистического общества, но в преобразованном виде распространяются и на социалистическую эпоху.

В исследовательских целях в докладе разграничиваются две относительно самостоятельные стороны этнических процессов: социально-экономическая, связанная с изменением в сфере общественного производства и социальных отношений, и собственно этническая, т. е. изменение языка, культуры и других черт, характерных для этнической общности. При этом подчеркивается, что обе указанные стороны тесно связаны между собой. Так, экономическое сближение советских наций во многом определяет и направление этнических процессов.

В докладе говорилось о том, что этническое развитие по самой своей специфике имеет как интегрирующий, так и этнодифференцирующий характер. На примерах языкового и культурного развития народов нашей страны было показано диалектическое сочетание обеих этих тенденций.

Авторы особо отметили, что под влиянием этнических процессов неизбежно происходят изменения в этнической психологии, учет и анализ которых имеет большое теоретическое и практическое значение.

В заключении доклада было подчеркнуто, что одним из важнейших результатов сближения наций является создание такой общности как советский народ, возникшей на базе политического, экономического и идеологического единства советских наций.

В докладе Ю. В. Бромлей «Этнос и этносоциальный организм» термин «этнос» был употреблен в узком и широком смысле слова. В первом случае, по мнению докладчика, отчлнить наиболее существенные этнические свойства от второстепенных позволяют данные о перемещениях этносов. Это, в первую очередь, устойчивые (традиционные) особенности культуры, а также этническое самосознание. Однако ни один из компонентов этноса нельзя считать достаточным этнодифференцирующим признаком, поскольку этнос — не простая сумма признаков, а целостная система.

Докладчик подчеркнул, что важнейшим условием возникновения и существования этноса являются социально-экономическая и природная среда, с которыми он составляет особые образования. В том случае, когда формой существования этноса является так называемый социальный организм (племя в период первобытного общества, социально-политические образования — в классовом) можно говорить об этносоциальном организме или этносе в широком смысле слова. В конце доклада высказана мысль о том, что хотя основная форма существования этносов — этносоциальные организмы, однако этнические подразделения человечества ими не исчерпываются.

Два доклада на пленарных заседаниях были посвящены проблемам фольклористики.

К. В. Чистов (Ленинград) в своем докладе «В. И. Ленин и проблемы русской фольклористики» подчеркнул плодотворность ленинской идеи о необходимости изучения фольклора под социально-политическим и экономическим углом зрения. Это позволяет объяснить причины того, что, несмотря на появление в конце XIX в. новых фольклорных жанров (рабочая песня, частушка и т. д.), старые, традиционные для начала XIX в. жанры не только продолжали бытовать, но и не теряли своей продуктивности. По мнению докладчика, следует исходить из того, что короткий период развития капитализма в России пришел на смену затяжному позднефеодальному периоду и был до

предела насыщен остатками феодальных отношений. В свете ленинской оценки реального хода процесса интеграции русской экономики можно объяснить, почему несмотря на активный процесс выработки общерусского фольклорного репертуара, начавший уже в XVI—XVII вв., еще в первой половине XIX — начале XX в. в разных районах расселения русских сохранились локальные особенности народной культуры, так называемые, областные фольклорные «школы» и региональные репертуарные отличия.

К. В. Чистов дал анализ того, как разрабатывалась ленинская тема в русской фольклористике, начиная с 20-х годов, и высказал мысль о необходимости создания неспециализирующейся библиографии, которая охватила бы ленинскую тему в фольклористике во всех союзных республиках.

Б. Н. Путилов (Ленинград) остановился на некоторых аспектах сравнительного изучения фольклора. Важное место в его докладе занимали проблемы разработки методологических аспектов и принципов историко-типологической теории, которая должна помочь установить межнациональные фольклорные отношения, «наднациональные» типы. Эта теория весьма эффективна также на уровне «национальной проблематики» и содействует решению сложнейших вопросов о происхождении и формировании фольклора данного народа, о закономерностях народного творчества и его связях с действительностью.

Три доклада освещали итоги антропологических исследований. С интересом был встречен доклад М. М. Герасимова (Москва) «К вопросу о формировании *homo sapiens* (К вопросу формирования людей верхнего палеолита)». В начальный период *homo sapiens*, по его мнению, был недифференцирован в расовом отношении. Раньше всего, по-видимому, сформировался экваториальный комплекс. Затем выделились различные варианты европеоидов. Очень поздно сформировался монголоидный ствол, причем ранние монголоиды обладали большим комплексом европеоидно-кроманьонских черт. Неолитическое население Западной и Восточной Сибири было менее монголоидно, чем современное население этих районов.

М. М. Герасимов рассказал о графической и скульптурной реконструкции женщины из Дольни Вестоницы. Значительное место он уделил также характеристике первого палеолитического погребения из Сунгира, наиболее близкого к находкам из Костенок. Была приведена антропологическая характеристика человека из Сунгира по Г. Ф. Дебецу и демонстрировалась его реконструкция.

В. П. Алексеев (Москва) в докладе «Палеодемография СССР» отметил, что для характеристики численности древних популяций, прежде всего, нужны могильники с археологически устанавливаемой длительностью функционирования. Поэтому докладчик считает возможным на данном этапе ограничиться лишь определением длительности жизни и, когда это позволяет материал, оценить детскую смертность. По мнению В. П. Алексеева, средняя продолжительность жизни до эпохи позднего средневековья была относительно стабильной. На территории нашей страны она колебалась вокруг 40 лет. Объяснение стабильности жизни докладчик видит в стабильности гигиенической обстановки. Причины долгожительства мужчин по сравнению с женщинами объясняются тем, что организм женщины сильнее подвергался влиянию антисанитарных условий (постоянное пребывание в поселках, роды). Биологическая стойкость женского организма преодолела неблагоприятное воздействие среды жизни, по-видимому, лишь на пороге современной эпохи.

М. С. Великанова (Москва) в докладе «Население Поднестровья в скифское время по антропологическим данным» привела результаты анализа значительного антропологического материала, собранного за последние годы Западно-Скифской экспедицией Института археологии АН СССР. Сопоставление данных скифского времени из Поднестровья со скифами и фракийцами, а также внутригрупповой анализ одной из серий (из Николаевки) позволяет говорить о смешанном скифо-фракийском происхождении населения Поднестровья в этот период.

Л. И. Лавров (Ленинград) поставил вопрос о методике этногенетических исследований. Были рассмотрены принципы использования широкого круга разнообразных источников. Говоря о данных археологии, докладчик, в частности, проанализировал соотношение понятий «этнос» и «археологическая культура». Большое значение в этногенетических исследованиях в качестве источников, по мнению Л. И. Лаврова, могут иметь данные антропологии, палеоантропологии, лингвистики, этнонимики и топонимики и фольклора. Разработка необходимого минимума критериев для отбора «доброкачественных источников» — одна из важнейших задач специалистов. Отметив, что методологические и процедурные вопросы этногенетических исследований недостаточно разработаны, докладчик предложил обсудить эти вопросы на следующей сессии этнографов.

В докладе В. А. Никонова (Москва) «Этнография Украины и ономастика» было показано, что исследования собственных имен (имена людей, географические названия, клички животных и т. д.) помогают решать различные этнографические задачи как в историческом плане, так и в плане современности. Для иллюстрации приведены примеры из различных областей ономастики на Украине. Так, например, украинские исследователи установили происхождение украинских фамилий из 50 этнических различных источников. Доказано также, что территориальные различия форм украинских фамилий исторически обусловлены. Названия рек, природных объектов, населенных

пунктов позволяют, наряду с другими данными, судить о формировании украинского народа.

И. А. Крывелев (Москва) коснулся некоторых теоретических проблем советского религиоведения. Докладчик подверг критике ряд концепций по религиоведению, которые появились в последние годы в научной литературе, и указал на особую важность разработки вопроса о корнях религии, что имеет не только теоретическое, но и практическое значение для определения методов борьбы с религиозными пережитками. В конкретном этно-социологическом изучении состояния религиозности населения и процесса преодоления религиозных пережитков следует обратить внимание на необходимость диалектически-гибкого применения марксистского учения о социальных корнях религии.

Ряд докладов на пленарных заседаниях касался различных проблем этнографического исследования населения отдельных регионов.

Был зачитан доклад К. Г. Гуслисто́го о некоторых проблемах этнической истории украинского народа. Докладчик подчеркнул общее происхождение русского и украинского народов. По его мнению, процесс формирования украинской буржуазной нации начался в XVIII в. и закончился в XIX в., когда на Украине сложился капитализм.

Современным этническим процессам среди словацкого, венгерского и немецкого национальных меньшинств Закарпатья был посвящен коллективный доклад Н. Н. Грацианской, И. Н. Гроздовой и Т. Д. Филимоновой (Москва). Отмечая специфику отдельных национальных групп, авторы показали, как заметно меняется быт каждой из них в процессе социалистического преобразования жизни в Закарпатье. При этом все эти национальные группы сохраняют родной язык и национальное самосознание.

Ю. Г. Гошко (Львов) дал характеристику обычного права поселенцев украинских Карпат в XV—XVII вв. Анализ правовых отношений дает возможность выяснить бытовавшие там нормы поведения и взаимоотношений между отдельными жителями и общиной. По ним можно определить также истоки правовых норм и этническую принадлежность поселенцев. В докладе было сообщено об управлении общиной, о формах наказаний за уголовные преступления, за нанесение убытков, невыдачу преступника и т. д. Осуществление норм обычного права на практике очень ярко отражает быт поселенцев Карпат XV—XVII вв.

Е. И. Матейко (Львов) рассказала о принципах этнографического районирования украинской народной одежды. Из всех признаков, определяющих основы научной классификации одежды, она наиболее существенным считает покрой одежды. Разработана зональная типология, связанная с существованием различных комплексов одежды. Выделено 5 зон: 1) Северная (полесская); 2) Центральная (лесостепная); 3) Подольская; 4) Прикарпатская; 5) Южная (Причерноморская). В докладе была дана характеристика комплексов одежды каждой из этих зон. Причем нельзя не отметить, что эти комплексы в результате органического соединения утилитарных, технических и эстетических особенностей создавали своеобразный художественный ансамбль.

Темой доклада М. Я. Салманович и Г. Б. Федорова (Москва) были этнокультурные комплексы на территории Прутско-Днестровского междуречья по данным материальной культуры. Авторы рассказали о населении изучаемого района, начиная с VI в. На основании данных материальной культуры уже в конце IX — начале X в. можно выделить два мощных этнокультурных комплекса: северный и южный. Граница между этими комплексами условно пролегла между Днестром и Прутом. В докладе показано, что несмотря на бурные исторические события, наличие этих комплексов отчетливо прослеживается и в наши дни.

А. И. Робакидзе (Тбилиси) коснулся некоторых черт общественного быта горцев Кавказа, указав, что для определения уровня их общественного развития и типа социальной организации важно установить особенности зависимых отношений между отдельными социальными категориями (в данном случае выявить конкретное содержание института рабства, бытовавшего у народов горного Кавказа в прошлом). Докладчик остановился на особенностях этого весьма сложного в данном регионе явления.

Работа этнографов шла также в секции этнографии народов Европейской части СССР и Кавказа с подсекциями славянских народов, неславянских народов и народов Кавказа, секции современных этнических процессов, секции народного искусства и фольклора с подсекцией фольклора и подсекцией народного искусства.

Большое внимание на первой секции было уделено принципам и методике подготовки историко-этнографических атласов.

В подсекции этнографии славянских народов региональному историко-этнографическому атласу «Белоруссия, Украина, Молдавия» было посвящено специальное заседание. С сообщениями выступили руководители работ по республикам, а также члены редколлегий атласа. Тематически на этой подсекции преобладали доклады по материальной культуре, которые представило большинство этнографических учреждений РСФСР, УССР, БССР, занятых в настоящее время подготовкой регионального атласа. Следует отметить, что доклады, связанные с атласом, имели в ряде случаев не только информационный, но и теоретический характер (Я. П. Прилипко, Е. И. Матейко и др.).

Ленинской теме было посвящено выступление В. П. Васькив «Ленинские дни в общественном быту трудящихся Западной Украины в 20—30-х гг.».

В подсекции этнографии неславянских народов ряд сообщений также касался проблемы подготовки историко-этнографических атласов.

В. И. Наулко (Киев) дал сравнительную характеристику народного жилища молдаван различных областей Украины.

Н. А. Демченко (Кишинев) говорил о молдавских пахотных орудиях и показывал зоны их распространения.

М. Приедите (Букулы, Латвийская ССР) рассмотрела вопрос о типологии устройства и принципе работы ручных мельниц в Латвии в конце XIX — начале XX в.

А. Думпе (Рига) дала характеристику наиболее устойчивых форм общинного труда в животноводстве восточной части Латвии, сохранившихся здесь до 30-х годов XX века.

О. Р. Будина (Москва) на примере жилища албанцев и греков в национально-смешанных районах Украинской ССР проследила, как в XIX — начале XX в. здесь складывались на основе контактов украинцев, гагаузов, молдаван, болгар, греков и албанцев общие элементы культуры.

Э. К. Васильева (Ленинград) описала влияние национального состава населенных пунктов на семейную структуру удмуртского населения. Интересно, что в этом исследовании этнографические задачи решались социологическими методами. О расширении и углублении исследований этнических процессов в Поволжье свидетельствуют также сообщения Г. Г. Куличенко (Казань) «Сравнительная характеристика досуга татарской и русской молодежи» и Ю. Мухаметшина (Казань) «О материальной культуре татар-кряшен».

Ряд сообщений в подсекции этнографии народов Кавказа также освещал итоги работы над историко-этнографическими атласами.

С. С. Агаширинова (Махачкала) и Г. А. Сергеева (Москва) выявили типологию женских головных уборов аварской группы народов Дагестана, что позволило проследить их культурно-исторические связи.

Сообщение А. Г. Трофимовой (Москва) о значении коллекций Государственного музея Грузии для составления Кавказского историко-этнографического атласа по разделу «Одежда народов Азербайджана» было посвящено типологии различных видов народного костюма. Сопоставление комплектов и отдельных предметов одежды позволяет сделать выводы о масштабе и направлении этнокультурных связей между кавказскими народами.

Большой интерес вызвало выступление Д. С. Вардумяна, показавшего специфику классификации данных по жилищу армян.

Много внимания в работе подсекции народов Кавказа уделялось различным вопросам духовной культуры. Широкое обсуждение вызвало сообщение А. А. Исмаилова (Грозный) об обычаях «избегания» у ингушей.

В. И. Элашвили (Тбилиси) отметил особую ритуальную роль оружия у горцев, а Д. Г. Георгадзе (Тбилиси) показал, что обряд «посвящения коня» в восточной Грузии связан с существовавшим издавна культом мертвых.

Два сообщения — М. Ш. Меликашвили и Н. В. Джаванадзе (Тбилиси) были посвящены проблемам родственных отношений.

В секции народного искусства и фольклора обсуждались вопросы о традициях народного искусства у различных народов Европейской части СССР. Сообщения касались декора современного народного искусства: С. Б. Рождественская (Москва) и коллектив авторов из Казани — Е. П. Бусыгина, Н. В. Зорина, Л. И. Зорина, Н. Н. Кучерявенко; народного зодчества — Н. Д. Шпак (Львов); народной вышивки — Г. С. Маслова (Москва), И. Я. Богуславская (Ленинград); украинской иконописи, украинской деревянной скульптуры, народных танцев и других видов народного искусства. В ряде выступлений было рассказано о творчестве отдельных народных мастеров.

Большой интерес вызвали сообщения о связи профессионального и народного искусства: Е. С. Фашенко (Львов) «Народные традиции в художественном творчестве Советского Львова», М. В. Токар (Львов) «Народные традиции в современной одежде».

Важное значение имеет также исследование этнокультурных связей на материале народного искусства. Н. П. Уханов (Ленинград) говорил о связях русского и украинского народного искусства. Л. М. Сухи (Киев) посвятила свое сообщение общим чертам художественных металлических изделий украинцев и сопредельных народов карпатской зоны.

На подсекции фольклора ряд докладов был посвящен экспедициям последних лет. Об экспедициях Института этнографии АН СССР рассказали Э. В. Померанцева и С. И. Дмитриева, об украинских — Н. С. Шумада, об экспедициях МГУ — Н. И. Савушкина и др. Значительное внимание было уделено взаимосвязи фольклора разных народов (Л. Г. Бараг, Т. С. Макашина, В. А. Юзьенко, Г. И. Спатару). Значительную группу составили доклады, посвященные особенностям и развитию различных фольклорных жанров. Наибольшее внимание привлекли предания, которым были посвящены доклады Е. Б. Вирсаладзе, Ш. Д. Инал-Игы, В. К. Соколовой, Б. П. Кербелите. Несколько докладов были посвящены

песенному фольклору (С. И. Грица и А. И. Дей, И. Д. Чобану, Т. С. Мамаладзе и др.).

Внимание участников сессии привлекла работа отдельной секции, занимавшейся проблемами современных этнических процессов. На основе анализа объективных и субъективных факторов, влияющих на национальные взаимоотношения, Л. М. Дробужева (Москва) сделала вывод, что меры по интернациональному воспитанию населения нашей страны должны разрабатываться с учетом социально-профессиональных групп. М. Н. Губогло (Москва) описал два методологически различных подхода к исследованию одной из существенных сторон этнических процессов — функциональному взаимодействию языков: социолого-лингвистический, предусматривающий изучение функциональной нагрузки языков-партнеров при контактах их носителей и этносоциологический, задачей которого является выяснение социально-этнических последствий двуязычия.

Работа сессии завершилась объединенным заседанием Отделения истории Академии наук СССР и Секции общественных наук Академии наук УССР. Закрывая сессию, Ю. В. Бромлей отметил ее большое значение для дальнейших исследований археологов и этнографов.

Т. И. Макашима

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИИ, ЯЗЫКАМ И КУЛЬТУРЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

С 23 по 26 декабря 1969 г. на восточном факультете Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова была проведена третья конференция по истории-языкам и культуре Юго-Восточной Азии¹.

Всего было заслушано двадцать два сообщения. Как и прежде, активное участие в конференции приняли ленинградские этнографы. От Института этнографии АН СССР на конференции выступили восемь докладчиков: Н. А. Бутинов, Е. В. Иванова, И. Г. Косиков, Ю. В. Маретин, Е. В. Ревуненкова, А. М. Решетов, Д. И. Тихонов, В. Г. Трисман,

Н. А. Бутинов в докладе «Движение Палиау на островах Адмиралтейства» на примере меланезийцев, живущих на небольшой группе островов в южной части Тихого океана, показал, какую сложную и своеобразную форму может принимать борьба за независимость в условиях крайне неразвитой экономики и почти сплошной неграмотности. Так, нередко в этой борьбе экономические и политические требования не только тесно переплетаются с религиозным движением, но и скрываются за ним. Та слабая религиозная окраска, которую придают политическим и экономическим требованиям сами лидеры движения за независимость, чтобы увлечь за собой массы, постепенно усиливается, и меланезийцы, уже вопреки желанию лидеров, связывают эти требования с привычными религиозными идеями, прежде всего с культом предков или культом мертвых. Так, в результате переосмысления прежних культов возник в современных условиях новый культ — культ карго — вера в прибытие кораблей или самолетов с грузами от далеких предков. Появление нового культа отражало надежды островитян на улучшение условий их жизни.

Е. В. Иванова в докладе «Тенденции этнического развития лао Таиланда» рассмотрела родственную тайцам этническую общность лао, включающую два народа, сформировавшихся на рубеже I—II тысячелетий н. э. Помимо языковой и культурной близости лао Таиланда объединяет общая часть «лао» в составных этнонимах, которыми эти народы себя называют: лао юнь (северные лао), лао-као и лао-вьен (северо-восточные лао). Лао Таиланда до настоящего времени сохраняют свою этническую специфику, несмотря на соседство с тая и их культурой. Лао сопротивляются политике насильственной ассимиляции, проводимой тайландскими правящими кругами.

И. Г. Косиков, выступая с докладом «К вопросу о времени появления театра теней в Камбодже», попытался на основании имеющегося материала проследить историю одного из кхмерских театральных жанров. Эпиграфические памятники VII—X вв., барельефы древних храмов показывают, что в ту эпоху в Камбодже уже существовали

¹ О предыдущих конференциях см.: А. М. Решетов, Научные конференции на восточном факультете Ленинградского государственного университета, «Сов. этнография», 1965, № 5; Б. Н. Мельниченко, Конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии, «Народы Азии и Африки», 1965, № 2; Ю. М. Осипов, Вторая конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии, «Народы Азии и Африки», 1968, № 3.